

Литературныя замѣтки. Критическія бесѣды Евгенія
Маркова («Русская Рѣчь») // Отечественныя Записки. 1879.
№ 11. С. 58-64.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Критическія бесѣды Евгенія Маркова («Русская Рѣчь»).

I.

Мой другъ Иванъ Непомнящій далъ когда-то характеристику г. Евгенія Маркова при помощи очень нехитраго приема. Онъ взялъ сочиненія этого писателя, сдѣлалъ изъ нихъ выборки, съ математическою ясностью свидѣтельствующія, что г. Евгений Марковъ противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу, и затѣмъ опредѣлилъ тотъ центральный пунктъ, около котораго турбильономъ носятся всѣ мысли г. Маркова, то сталкиваясь другъ съ другомъ, то отскакивая въ разныя стороны, но, въ концѣ-концовъ, благополучно возвращаясь къ своему центру. Центромъ этимъ оказались интересы «людей просвѣщеннаго и либеральнаго образа мыслей», которыхъ г. Марковъ столь уважаетъ, что даже предоставляетъ имъ въ будущемъ «тихія и простыя прелести крѣпостного быта», въ измѣненной, конечно, согласно духу времени, формѣ. (См. «Отечественныя Записки» 1877, № 3).

Я потому вспомнилъ этюдъ Ивана Непомнящаго, что собираюсь писать о «критическихъ бесѣдахъ» г. Маркова, составляющихъ почти ежемѣсячное украшеніе журнала «Русская Рѣчь». Иванъ Непомнящій, съ своей неизмѣнной точки зрѣнія забытъ

и забвенія, съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ идеямъ г. Маркова и даже выдавалъ его, г. Маркова, за свой, Ивана Непомнящаго, псевдонимъ. Какъ бы въ подтвержденіе этого, г. Марковъ поставилъ себѣ, кажется, специальною задачею доказывать въ «критическихъ бесѣдахъ», что, во-первыхъ, писатель имѣетъ полное право и даже какъ бы обязанъ противорѣчить самому себѣ, и что, во-вторыхъ, люди просвѣщеннаго и либеральнаго образа мыслей дѣйствительно достойны обновленныхъ тихихъ и простыхъ прелестей крѣпостнаго быта. Тѣмъ довольно пикантными, не безынтересно разсмотрѣть ихъ поближе.

Само собою разумѣется, что положенія, столь обнаженные, далеко не всякій рѣшится выставить. Не рѣшается и г. Марковъ. Онъ вынужденъ прибѣгать къ довольно сложнымъ и хитросплетеннымъ уловкамъ, чтобы полу-прикрыть наготу своихъ идей. Прежде всего онъ надѣваетъ для этого полное вооруженіе борца за жизнь: разноцвѣтныя пѣтушья перья игриво вьются на его шлемѣ, латы, ярко вычищенные толченымъ кирпичемъ, блестятъ на солнцѣ, сивозъ забрало видны пламенныя очи и жизнерадостно улыбающіяся уста, изъ могучей груди рвется побѣдный кликъ, въ рукѣ сверкаетъ острый мечъ. И горе темнымъ силамъ, враждующимъ съ жизнью! Одна бѣда: прекрасный и сильный витязь все не въ то мѣсто попадаетъ... Это, безъ сомнѣнія, единственная причина, почему еще никто не погибъ отъ грозныхъ ударовъ г. Маркова. А то, кто бы устоялъ!

Въ русской литературѣ г. Марковъ находитъ двѣ темныя, враждебныя жизни силы: замкнутость литературныхъ «кружковъ», «партейность» литературы и «литературную хандру», мрачный, пессимистическій взглядъ на жизнь, останавливающийся только на отрицательной сторонѣ явленій. «Кружковщина», «партейность», насильственно подгоняя идеи, образы, картины, эксплуатируемые литературой, къ опредѣленнымъ неподвижнымъ формуламъ, оскорбляетъ жизнь отсутствіемъ простора и свободы; литературная хандра наноситъ жизни ущербъ своею мрачностью, отсутствіемъ положительныхъ типовъ и картинъ, нарисованныхъ свѣтлыми, яркими, веселящими глазъ красками. (Группирую обвиненія, разсыпанныя въ нѣсколькихъ статьяхъ). Поразивъ въ этихъ двухъ смыслахъ современную русскую литературу чисто теоретическими соображеніями, г. Марковъ иллюстрируетъ свою теорію двумя критическими статьями: во-первыхъ, о г. Достоевскомъ, который служитъ для него образчикомъ нашей литературной хандры; во-вторыхъ, о Гейне, какъ объ идеалѣ широкой, вольнолюбивой и жизнелюбивой поэзіи.

Уже изъ этого выбора видно, что прекрасный и сильный витязь склоненъ не въ то мѣсто попадать. Заявивъ въ началѣ статьи о г. Достоевскомъ, что «трудно выбрать для иллюстраціи нашего современнаго литературнаго характера болѣе подходящій матеріалъ», г. Марковъ къ концу статьи естественно приходитъ къ заключенію, что г. Достоевскій не имѣетъ въ современной

нашей литературѣ ничего себѣ подобнаго, ничего подходящаго. Маленькія несогласія концевъ съ началами довольно часто попадаются у Евгенія Маркова и объясняются нѣкоторыми коренными свойствами могучаго духа этого писателя. Онъ такъ краснорѣчивъ и такъ любовно отдается на волю волнъ своего краснорѣчія, что гдѣ ужъ тутъ искать согласія конца съ началомъ! Вырвется у него красивое словечко и понесетъ, понесетъ своего творца куда-то въ сторону, совсѣмъ неожиданно для него самого. Но въ данномъ случаѣ дѣло объясняется, кромѣ общихъ свойствъ ума г. Маркова, еще и неудачнымъ выборомъ «иллюстраціи». Въ самомъ дѣлѣ, г. Марковъ имѣлъ бы полное право вывернуть свою начальную фразу на изнанку, то есть сказать: «трудно выбрать для иллюстраціи нашего современнаго литературнаго характера менѣе подходящий матерьялъ», чѣмъ г. Достоевскій. Дѣло тутъ не въ оригинальности дарованія г. Достоевскаго, по крайней мѣрѣ, не въ ней одной, даже не въ составляющей его специальность разработкѣ жизни людей, большихъ духомъ. Весь г. Достоевскій цѣликомъ, со всѣми его смутными надорванно-мистическими идеалами, совсѣмъ чужой современной русской литературѣ, да и всей нашей жизни. Болѣзненное творчество г. Достоевскаго не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ тѣмъ настроеніемъ, которое г. Марковъ называетъ не особенно удачно «литературной хандрой». Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, если г. Марковъ, начавъ статью за упокой, долженъ былъ кончить ее за здравіе, а середину ея наполнить изрѣченіями, столь много говорящими уму и сердцу, какъ напримѣръ, слѣдующее: «Мы (это г. Марковъ) считаемъ Достоевскаго очень даровитымъ, очень оригинальнымъ и сильнымъ писателемъ». Смѣло, ново и поучительно!

Гораздо интереснѣе статья о Гейне. Нельзя сказать, чтобы и въ ней не было многозначительныхъ заявленій въ родѣ: мы считаемъ Гейне оригинальнымъ и сильнымъ поэтомъ; или пространныхъ, изъ лирическаго пламени сотканныхъ воззваній въ томъ смыслѣ, что дважды два четыре и что, хоть вся литература толкуй противное, а мы, то есть г. Марковъ, оставляемъ себѣ свободу вѣрить въ таблицу умноженія. Все это есть. Есть и прекрасныя фразы; столь вѣскія, что ихъ можно съ удобствомъ вывернуть на изнанку, ни мало не повредивъ ихъ красотѣ. Напримѣръ, г. Марковъ заявляетъ: «Гейне былъ пѣвецъ жизни, весны, молодости и любви — вотъ основной источникъ его поэзіи, его духа! Но жизнь, любовь—это прежде всего правда. Не даромъ каждое слово Гейне насквозь дышетъ правдой, иногда содрогающей правдой, граничащей то съ цинизмомъ, то съ безумствомъ». Неудобопонятно, но за то прекрасно сказано! Столь неудобопонятно и столь прекрасно, что вы можете вложить въ эту фразу совершенно противоположную мысль и сказать, напримѣръ, такъ: «Леопарди былъ пѣвецъ смерти и отчаянія—вотъ основной источникъ его поэзіи, его духа! Но смерть, отчаяніе—это прежде всего

правда. Не даромъ каждое слово Леопарди насквозь дышетъ правдой, иногда содрогающей правдой, граничащей то съ цѣнизимомъ, то съ безумствомъ». Почему въ самомъ дѣлѣ жизнь и любовь больше правда, чѣмъ смерть и ненависть? И что это собственно значитъ: жизнь и любовь прежде всего правда? Г. Марковъ великій мастеръ сочинять такія громкія, но вполнѣ безмысленныя фразы. Въ статьѣ о Гейне ихъ не меньше, чѣмъ въ другихъ его произведеніяхъ. Но статья все-таки любопытна.

Не въ Гейне тутъ дѣло, конечно. Гейне поэтъ, которому особенно почастливилось у насъ на Руси. Его неустанно переводятъ, ему подражаютъ и никто рѣшительно не сомнѣвается въ его поэтическомъ значеніи. И замѣчательно, что переводятъ у насъ Гейне люди самыхъ разнообразныхъ литературныхъ «кружковъ» и «партій». Есть переводы Писарева и г. Буренина, М. Михайлова и г. Аверкіева, Плещеева и Майкова и проч., и проч. Словомъ, реабилитировать Гейне, доказывать кому-то и зачѣмъ то, что это великій поэтъ, значитъ именно попадать не въ то мѣсто, съ тараномъ ломиться въ настѣжь отворенную дверь. Тѣмъ не менѣе, для г. Маркова Гейне только предлогъ для пораженія «нѣкоторыхъ педантическихъ моралистовъ нашей россійской журналистики», «нашихъ либерально-гражданскихъ критиковъ», «аргусовъ либерализма и гражданственности», «позитивистовъ, рационалистовъ и реалистовъ». Онъ съ пафосомъ восклицаетъ: «Нѣтъ, господа позитивисты, рационалисты и реалисты! Вичи посильнѣе вашихъ, критика поглубже вашей не могли сбить поэта (Гейне) съ его природнаго пути, не могли погасить въ немъ ту свѣтлю, бодрящую вѣру въ разнообразіе и широту міра, которая такъ ненавистна вамъ». Нужды нѣтъ, что между нашими «либерально-гражданскими критиками», «позитивистами, рационалистами и реалистами» были и есть жаркіе почитатели Гейне; нужды нѣтъ, что даже, по условіямъ времени и мѣста, они не могли бы, если бы и хотѣли, пробовать сбить Гейне «съ его природнаго пути»: г. Евгений Марковъ увлеченъ своей фразой, какъ нѣкогда Наполеонъ былъ увлеченъ своимъ рокомъ. Разница только въ томъ, что Наполеонъ отлично понималъ, что именно случилось съ нимъ при Ватерлоо, а г. Евгений Марковъ не устаетъ стоять въ позѣ побѣдителя, картинно потряхивая разноцвѣтными пѣтушьими перьями на шлемѣ и блистая вычищенными толченымъ кирпичемъ латами. Вы, говорите, такіе-сякіе, потому ненавидите Гейне, что ненавидите жизнь, а жизнь ненавидите потому, что она рвется изъ узкихъ догматовъ вашихъ партій и не мирится съ исключительно отрицательнымъ характеромъ вашей дѣятельности; въ васъ нѣтъ любви, въ васъ только гнѣвъ и отрицаніе!

«Аргусы», «реалисты» и проч. стоять, разумѣется, ни живы ни мертвы передъ этимъ грознымъ рыцаремъ съ пѣтушьими перьями на шлемѣ. Они разбиты, уничтожены и съ трепетомъ ждутъ послѣдняго удара марковского Дюрандаля. Но Дюрандаль самъ остановился въ воздухѣ. Рыцарь пѣтушьяго пера призва-

думался: Гейне вѣдь тоже издавалъ ноты гнѣва, злобы, отрицанія... Однако, рыцарь призадумался не на долго. Онъ хватается за злой юморъ и холодный скептицизмъ Гейне, чтобы, прослѣдивъ его въ пѣвцѣ «жизни, весны, молодости и любви», оправдать свою теорію обязательности противорѣчій.

«Разнообразіе, противорѣчіе — ядъ его поэзій; вотъ обыденное сужденіе о Гейне», говоритъ г. Марковъ. И затѣмъ начинаетъ рубить и колоть это «обыденное сужденіе». Удары его несомнѣнно смертоносны, но не мѣшало бы, однако, справиться, гдѣ и когда было высказано изрубленное и исколотое сужденіе. Сколько намъ извѣстно, всѣ мало-мальски смыслящіе и чуткіе люди находили особенную прелесть въ своеобразномъ гейневскомъ сочетаніи сарказма и сентиментальности, холодной насмѣшки и жаркаго признанія въ любви. Это до такой степени бросающаяся въ глаза и прелекательная черта поэзій Гейне, что безчисленное множество юношей, начинающихъ поэтизировать, стараются усвоить ее себѣ. Стараются, разумеется, въ большинствѣ случаевъ тщетно, потому что тайна сія велика есть и простымъ подражаніемъ ея не добудешь. Тѣмъ не менѣе, общепризнанность красоты переливовъ злобы и любви у Гейне не подлежитъ никакому сомнѣнію. Существовали, конечно, въ свое время черствые сухари, которымъ была чужда и непонятна эта капризная красота, но они sind längst gestorben, Herr Markoff, а сражаться съ мертвецами, это даже не совсѣмъ по рыцарски выходить.

Сочетаніе ядовитой насмѣшки и сентиментальности, злобы и любви само по себѣ вовсе не составляетъ противорѣчій, и все, что говоритъ г. Марковъ въ этомъ отношеніи якобы въ защиту Гейне, есть одно правдословіе. Увы! нашъ бранный міръ устроенъ такъ, что въ немъ нельзя любить *всею* и самъ любвеобильный г. Марковъ очень не любитъ «аргусовъ гражданственности и либерализма», которые, однако, занимаютъ свое мѣсто подъ солнцемъ. Кто любитъ цвѣты своего сада, тотъ не любитъ барана, когда онъ, забредя въ садъ, щиплетъ цвѣты; кто любитъ барана, тотъ не любитъ волка; кто любитъ волка, тотъ не любитъ борзой собаки. «Тотъ охаетъ, другой смѣется, и все на свѣтѣ такъ ведется». Съ страстною любовью относиться къ пожираемому и въ то же время злобно трактовать пожирающее отнюдь не значить противорѣчить себѣ. Совсѣмъ напротивъ, это значить жить цѣльно и полно. Но этого мало. Можно глубоко любить пожираемое и именно въ силу этой любви обливаться его ядомъ насмѣшки и укора за безсиліе и тупую покорность судьбѣ. Точно также можно страстно любить друга или женщину и выражать эту любовь не только словами нѣжности и ласки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сарказмомъ и негодованіемъ. Можно и съ самимъ собой, наконецъ, ту же штуку продѣлывать. И никакого противорѣчія тутъ не будетъ. Это ясно, какъ азбука. Если же г. Марковъ приходитъ къ этому результату не прямымъ путемъ самыхъ простыхъ соображеній, а при помощи разныхъ ненужныхъ вавило-

новъ и лирическихъ отступленій, такъ на то есть особня причины. Гейневское сочетаніе сарказма и сентиментальности, это мнимое противорѣчіе, на самомъ дѣлѣ свидѣтельствующее только о полнотѣ жизни пылкаго темперамента, ему надо поставить за одну скобку съ настоящими и ни мало не похвальными противорѣчіями; ни мало не похвальными, хотя бы въ нихъ былъ грѣшенъ не только маленькій Марковъ, но и великій Гейне.

Г. Евгеній Марковъ милостиво разрѣшаетъ поэту: «пусть онъ иныче молится передъ католическимъ распятіемъ, завтра вдохновляется бурами революціи, послѣ завтра таетъ въ нѣгѣ безпечной любви; пусть онъ сегодня бичуетъ фарисейство, а завтра воспѣваетъ луну и фіалки; пусть онъ сегодня мучится отчаяніемъ безвѣрія, а завтра ободряетъ всѣхъ вѣрою въ жизнь и счастье. Въ этомъ еще нѣтъ никакого противорѣчія, въ этомъ только непритворность естественной и обильной жизни».

Въ другомъ мѣстѣ: «Писатель, который кроетъ по заказанному шаблону свои стихи и прозу, который не знаетъ истомляющаго угара вдохновенія, а изготовляетъ свои романы или драмы спокойно и послѣдовательно, какъ секретарь канцелярскіе доклады, конечно, не скоро устанетъ и не нуждается въ разнообразіи мотивовъ... Но поэтъ такой огненной страсти, какъ Гейне, нуждается въ разнообразіи, какъ птица въ чистомъ воздухѣ... Онъ любитъ такъ сердечно и много, что ему простиительно отдохнуть отъ этой любви на ледяномъ сарказмѣ или горделивомъ презрѣніи. Онъ мыслить такъ глубоко и широко, что иногда вправѣ пошутить, какъ школьникъ или какъ повѣса».

И далѣе: «Этимъ тонкимъ инстинктомъ своего внутренняго равновѣсія, этою органическою необходимостью обновлять себя погруженіемъ въ нетронутыя стихіи жизни объясняется вполнѣ удовлетворительно и то обстоятельство, смущавшее даже сторонниковъ поэта, что его поочередно видѣли то страстнымъ рыцаремъ интересовъ челоѣчества, ломавшимъ копья за его права и свободу, смѣлымъ «барабанщикомъ новой миссіи», то чисто-сердечнымъ ненавистникомъ всей политической и общественной суеты».

Хорошо пишутъ курскіе помѣщики! Это давно уже замѣчено. Но читатель видитъ все таки, что г. Марковъ валитъ въ одну кучу вещи совершенно несоизмѣримыя. Не найдется такого пологнаго, который выдумалъ бы точку зрѣнія, возвращающую поэту не то что сегодня и завтра, а одновременно, однимъ поэтическимъ взмахомъ, бичевать фарисейство и любоваться фіалкой; ибо между фарисействомъ и фіалкой общаго только то и есть, что и то и другая въ русскомъ языкѣ съ буквы *Ѣ* начинаются. Разнообразіе же мотивовъ или, какъ выражается г. Марковъ на родномъ нарѣчій курскихъ помѣщиковъ, «обновленіе себя погруженіемъ въ нетронутыя стихіи жизни» не только не предосудительно само по себѣ, но даже составляетъ великое достоинство.

Отвлеченно говоря, чѣмъ больше струнъ въ распоряженіи поэта, тѣмъ лучше. Если писатель обладаетъ достаточно широкимъ талантомъ, чтобы сегодня разразиться сатирой, а завтра написать идиллію, сегодня содѣлать потрясающую трагедію, а завтра заставить читателей расколотаться, то только и можно сказать: вотъ многообъемлющій талантъ. И не до такой же въ самомъ дѣлѣ степени мы оступѣли, чтобы нуждаться въ поученіяхъ г. Маркова, что слова «многообъемлющій талантъ», «разнообразный талантъ» суть слова похвальные! Это мы и безъ курскихъ помѣщиковъ знаемъ. Но мы знаемъ также, что если писатель сегодня оплевываетъ (все равно въ трагической или комической формѣ) то самое, что вчера превозносилъ, то тутъ нѣтъ уже ровно ничего похвальнаго. За Гейне числится этотъ грѣхъ и, хоть онъ покойникъ все-таки не нуждается въ омовеніи волнами курскаго краснорѣчія, но достоверно, что этимъ несообразнымъ волнамъ не смыть того грѣха. По выраженію Шерра, Гейне «то освящаетъ свой гуманистическій идеалъ всѣмъ свѣтомъ поэзіи и мысли, то вслѣдъ затѣмъ начинаетъ его колотить своей арлекинскою палкой, забрасываетъ сарказмами и волочить его въ грязи». Что же тутъ хорошаго? А г. Маркову именно это-то и нравится.

Мы не объ Гейне разсуждаемъ, а всего только о г. Марковѣ. Поэтому оставимъ Гейне въ покоѣ. Еслибы пришлось разбирать Гейне съ точки зрѣнія мнимыхъ и дѣйствительныхъ противорѣчій, сваленныхъ г. Марковымъ въ одну кучу, то надлежало бы, оставивъ внѣ всякаго спора право поэта любоваться фялкой и въ тоже время бичевать фарисейство, разрѣшить слѣдующій вопросъ: не была ли «арлекинская палка» Гейне по отношенію къ его «гуманистическому идеалу» выраженіемъ той «ненавидящей любви», которая обдаетъ сарказмомъ и негодованіемъ горячо любимый предметъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ значить подвергнуть анализу всего Гейне—работа сложная, трудная и, признаться сказать, не особенно для насъ нужная. Предположимъ, что такой анализъ уже сдѣланъ. Если въ результатѣ его окажется, что «арлекинская палка» была дѣйствительно только выраженіемъ ненавидящей любви, то на дѣятельности Гейне нѣтъ ни одного пятна. Если же нѣтъ, если онъ въ самой глубинѣ души своей, непосредственно забрасывалъ грязью и билъ свой вчерашній идеалъ, то, принимая въ соображеніе всевозможныя смягчающія обстоятельства, эти шатанія, по малой мѣрѣ, не прибавляютъ новыхъ лавровъ къ вѣнку Гейне. Г. же Марковъ утверждаетъ напротивъ, что прибавляютъ, ибо свидѣтельствуютъ объ «инстинктѣ внутренняго равновѣсія». Эти таинственныя требованія внутренняго равновѣсія вообще играютъ важную роль въ критическихъ бесѣдахъ г. Маркова.